

РЕНЕ
МАНЗОР

РЕНЕ МАНЗОР

Голгофа. 30 г. н.э. Никто не остался на месте казни после того, как распятые умерли. Никто. Кроме семилетнего мальчика. Он не отводил взгляда от человека, который висел на центральном кресте. Мальчик не плакал. Он негодовал, что этот мужчина, давший так много другим, ничего не дал ему. Мальчика звали Давид из Назарета. Это его история.

Он будет жить, скрывая свое настоящее имя, чтобы однажды встать на путь, ждавший его долгие годы. Секреты, предательства, политические интриги и битвы станут его верными спутниками. В самом сердце Иудейской пустыни, в истекающей кровью Палестине — да благословенны будут все деяния его, Давида из Назарета...

АПОКРИФ. ДАВИД ИЗ НАЗАРЕТА

АПОКРИФ

ДАВИД ИЗ НАЗАРЕТА

И СВЕТ ВО ТЬМЕ СВЕТИТ,
И ТЬМА НЕ ОБЪЯЛА ЕГО...

— ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ИОАННА

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-6079-5

9 786171 260795

И СВЕТ ВО ТЪМЕ СВЕТИТ,
И ТЪМА НЕ ОБЪЯЛА ЕГО...

— ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ИОАННА

RENÉ MANZOR

APOCRYPHE

CALMANN
LEVY
NOIR

РЕНЕ МАНЗОР

АПОКРИФ
ДАВИД ИЗ НАЗАРЕТА

Роман

ХАРЬКОВ **2019** **КЛУБ**
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.133.1
М23

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Переведено по изданию:
Manzor R. Ароссррне : Roman / René Manzor. —
Calmann-Lévy, 2018. — 400 p.

Перевод с французского *Виктора Степанова*

Дизайнер обложки *Владлен Трубчанинов*

ISBN 978-617-12-6079-5
ISBN 978-2-7021-6425-9 (фр.)

- © Calmann-Lévy, 2018
- © DepositPhotos.com / ginos-photos1, anderus, обложка, 2019
- © Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2019

Марии, моей Вифлеемской звезде

Пилат сказал Ему: что есть истина?

Евангелие от Иоанна, 18:38

ПРОЛОГ

ИЕРУСАЛИМ, ИУДЕЯ,
ПЯТНИЦА, 7 АПРЕЛЯ 30 ГОДА

Он омыл руки в серебряном тазу. Не для того, чтобы смыть с себя кровь, которая сейчас прольется по его милости, а потому, что ему всегда казалось, что они у него становились грязными после того, как он выносил кому-либо приговор.

Жестокий и немилосердный прокуратор Иудеи был скорее солдатом, чем дипломатом. Те, кто утверждали обратное, были либо льстецами, либо чужеземцами. Знать, которую он приговаривал к смертной казни, могла рассчитывать на удавку. Что же касается рабов или особо опасных преступников, то им была уготована жестокая казнь — распятие. Три дня агонии, в течение которых обнаженный казнимый боролся за жизнь, подтягиваясь на теряющих силы руках и пытаясь удержаться на прибитых к кресту ногах. Чтобы отбить охоту снова поднимать восстание, которое все еще продолжалось в Иудее, несмотря на двадцать лет жестокой римской колонизации, приходилось прибегать по меньшей мере к этому.

Среди сегодняшних осужденных был и один галилеянин. Человек, который, если верить неутихающей молве, изгонял демонов, возвращал зрение слепым, врачевал парализованных и даже воскрешал умерших. Его ученики видели в нем Мессию, того спасителя, которого пророки Иеремия и Исая пообещали иудейскому народу.

Мессия!

Само это слово вызывало у Понтия Пилата тошноту. Сколько таких мессий уже было уничтожено Римом с тех пор, как Иудея стала провинцией империи? В большинстве своем они приходили из Галилеи, находившейся на севере

Палестины, так что слово «галилеянин» стало синонимом слова «смутьян». Повсюду на своем пути они провоцировали беспорядки и возмущение. После пастуха Афронга, ессея Менахема, Иоанна Крестителя наконец-то назваться Спасителем дошла очередь и до Иешуа из Назарета. И сделал он это странным образом. Он стал бороться не с римскими работодателями, а с еврейским синедрионом.

В день Пасхи, когда двести тысяч паломников пришли к иерусалимскому Храму просить милостей Господних, этот Иешуа набросился на меновщиков, сидевших в святом месте, и на торгующих жертвенными животными. Его схватили, и он сразу же предстал перед иудейским судом синедриона. Первосвященник Каифа обвинил его в святотатстве, что по законам верховного суда немедленно влекло за собой смертный приговор. Но в условиях римского владычества только префект мог приговорить к смертной казни.

Понтий Пилат терпеть не мог Палестину. Это была самая убогая область империи и в то же время самая беспокойная. Во всех прочих провинциях уже царил *pax romana*¹. Их жители почитали императора Тиберия так же, как и своих местных богов. И только иудейский народ признавал лишь своего Бога. Иудеи не работали в седьмой день недели, особому относились к своим женщинам, не ели свинины и считали совершенно естественным обрезание крайней плоти ребенку мужского пола на восьмой день после рождения. Опорой им служили их традиции. Неуважение этих традиций приводило к волнениям, тогда как первостепенной задачей Пилата было сохранение мира, что было непросто. Ну а появление очередного «мессии» — это, несомненно, потенциальная опасность.

Арестованного привели к порогу суда, поскольку войти в дом к язычнику, пусть даже и к прокуратору, было бы настоящим поношением для священников. Дверь распахнулась,

¹ *Pax romana* — «римский мир». Период, когда в империи практически не было внутренних конфликтов (*лат.*).

и на самом верху лестницы показался паланкин Пилата, сделанный из бронзы и слоновой кости. Префект наклонился чуть вперед, чтобы получше рассмотреть того, кем ему сегодня придется заниматься. Перед его взором предстал сын простого плотника, называвший себя посланцем Божиим, кроткий проповедник хрупкого телосложения, чьи меткие слова приводили в смятение местную аристократию. На лице его были видны следы ударов, которые ему нанесли при задержании. Его пурпурная туника была вся заплевана. Но глаза его излучали спокойствие, что вызывало у Пилата странные чувства. От этого пронизывающего взгляда прокуратору становилось не по себе, и ему с трудом удавалось это скрывать.

Представляет ли этот человек, какие страдания его ожидают? — спросил он себя.

Холм, на котором приводили в исполнение смертные приговоры, находился за стенами священного города. К нему вела узкая дорожка, проходящая между кучами строительного мусора. Кроме осужденных и их палачей мало кто ходил на Голгофу. На земле, среди куч экскрементов, догнивали остатки брошенных крестов, рядом с которыми в общей могиле валялись черепа и скелеты, пересыпанные известью.

На вершине холма, на фоне потемневшего неба, трое распятых прилагали все усилия, чтобы каждое дыхание не стало последним. Привязанные за изможденные руки к крестам, низко опустив головы, они едва сносили невероятные мучения, которые постепенно отбирали у них жизнь. Пот, стекавший с них ручьями, приводил к обезвоживанию, усугублявшемуся нехваткой воздуха. У каждого из них грудь вздымалась, выдавливая все внутренности в нижнюю часть живота, который раздувался прямо на глазах.

Крест с назарянином установили в центре, между крестами с двумя бунтовщиками. На голову ему водрузили терновый венец в качестве насмешки над тем, что он называл себя царем иудеев. Кровь струйками стекала по его загорелому лицу и, запекаясь, собиралась на бороде.

Одна капля сорвалась с трехметровой высоты и упала на центуриона, исполнявшего приговор. Сидя верхом на лошади, облаченный в доспехи, он машинально утер лоб и поднял светлые глаза на распятого.

Палач встретился взглядом с жертвой.

Взор несчастного был совершенно беззлобным.

За двадцать пять лет службы этот офицер ни разу не испытал сострадания к врагам Рима, но что-то в этом человеке — он и сам-то не понимал что — вывело его из состояния равнодушия до такой степени, что поведение его солдат, игравших в кости на тунику несчастного, внезапно показалось ему недостойным. Центурион вынул из ножен свой меч и бросил его в их сторону. Лезвие разрезало кожаный стаканчик для игры в кости, переходивший из рук в руки. Легионеры вовремя выпустили его из рук, иначе они остались бы без пальцев.

Офицер повернулся к трем бедно одетым женщинам, которые молились, стоя на коленях среди нечистот, не обращая на это никакого внимания. Две из них, те, что помоложе, поддерживали пожилую и плакали, побивая себя в грудь.

А где же называвшие себя учениками галилеянина? — недоумевал офицер.

Неужели те Двенадцать, избранные апостолами, покинули своего учителя и теперь трясутся от страха, что их постигнет такая же судьба? Из мужчин присутствовали при казни только Симон Киринанин и Иосиф Аримафейский. Симон, шатаясь, нес вместе с приговоренным двадцатипятикилограммовый *patibulum*¹, к которому были привязаны его руки, когда он поднимался на Лобное место. Что касается Иосифа, то этот богатый член синедриона отдал умирающему гробницу, построенную для его семьи.

Центурион последний раз окинул взглядом распятого и понял, что тот уже потерял сознание. Небо над ними потемнело

¹ Patibulum — поперечина креста, к которой прибавляли запястья распинаемого (лат.).

сильнее всего. Черные тучи нависали над Голгофой и находящимися рядом оливковыми рощами. Казалось, что наступила ночь, хотя на самом деле было всего лишь три часа пополудни.

Поднялась настоящая буря, прогнавшая кружащихся над приговоренными стервятников с жадно раскрытыми клювами. Где-то на горизонте прогремел гром, и сильный ливень обрушился на холм. Испуганные солдаты вскочили на ноги и стали всматриваться в небо, пытаясь распознать какое-либо предзнаменование. Ужас охватил их.

Все это — предрассудки, — решил центурион.

Желая поскорей покончить со всем этим, он приказал сломать ноги распятым и тем самым ускорить их смерть. Один из легионеров взял дубинку, подошел к первому из осужденных и исполнил приказание своего начальника. Будучи больше не в состоянии опираться на ноги, чтобы дышать, несчастный быстро умер, задохнувшись.

Одна из женщин, стоявших у ног распятых, по имени Мария Магдалина бросилась к сидевшему на лошади офицеру и, обхватив его ногу, взмолилась:

— Центурион, тут со мной его мать! Избавь ее от этого зрелища, ради Бога!

— Назад, женщина! — прикрикнул офицер, высвобождая ногу из ее рук.

— Ты же видишь, что ее сын уже мертв, — не унималась она.

— Не тебе об этом судить! Уйди с дороги!

Он с силой оттолкнул молодую женщину, и та упала в грязь. Мать галилеянина бросилась к ней и помогла подняться. В глазах этой старой селянки центурион прочел отчаяние, и в нем снова пробудилось сострадание, отчего ему стало не по себе. Он повернулся к солдату, собиравшемуся уже переломать ноги второму распятому, и приказал:

— Оставь его мне, а сам займись пока третьим!

Центурион схватил копьё и пришпорил своего скакуна, который понесся к кресту, что стоял в центре. Резким ударом

он пронзил бок «царя иудейского». Кровь, брызнувшая из раны, смешалась с дождевой водой.

Сливаясь с шумом непогоды, плач стал громче. Вскоре ливень окончательно разогнал всех родственников и близких распятых, а также тех немногочисленных зевак, что пришли посмотреть на казнь.

Всех, кроме одного.

Это был семилетний ребенок, оставшийся незамеченным взрослыми. Он все так же стоял чуть ниже на склоне холма, не отрывая взора от человека, распятого на кресте в центре.

Мальчик не плакал.

Выражение его лица выдавало злобу по отношению к спасителю, который все отдал другим, а ему досталось так мало. Это был Давид из Назарета. И о нем-то и будет наш рассказ.

ИЕРУСАЛИМ,
ИУДЕЯ,
ГОД 37

Семь лет пролетело со дня казни галилеянина, о котором с тех пор ходили самые невероятные слухи. На третий день после положения в гроб его тело исчезло. Неужели оно было похищено его апостолами, как это утверждал Пилат? А если это так, как же тогда похитители отвлекли охранников, выставленных прокуратором перед *голлалом*, огромного размера камнем, который был привален к входу в гробницу?

Первосвященник Каифа объяснял все просто: тело не было положено в гробницу. Иосиф Аримафейский и Никодим, опасаясь, что синедрион прикажет уничтожить тело, сочли, что лучше будет отнести его в другое место, в пещеру, о которой никто не знал. Возможно, оно было захоронено в Самарии или в Галилее, на которые не распространялось его влияние? Вызванные для пояснения два фарисея полностью отрицали это перед своими собратьями и представили весомые доказательства.

Тогда первосвященник приказал своим изощренным шпионам втереться в доверие к ученикам Христа, выдав себя за уверовавших в него. Но они не вывели ничего такого, что подтверждало бы его предположение. Хуже того, по утверждению апостолов, Иешуа являлся им множество раз, и не призраком, а как живой человек. Он преломлял вместе с ними хлеб. Бог воскресил их Учителя, вызволил его из объятий смерти, а тем, кто уверовал в него, было обещано, что однажды они дождутся такой же милости. И такого рода бредни распространились по всей Палестине.

На сегодняшний день секта Назарянина насчитывала свыше пяти тысяч членов. И хотя распятый не освободил Израиль,

его приверженцы продолжали называть его мессией и крестить иудеев его именем. Простолюдины, не посвященные в содержание Писания, тем не менее оказались восприимчивыми к его толкованию, которое давали эти невежественные выдумщики, проповедовавшие любовь к ближнему. Каждый день появлялись новые обращенные, они присоединялись к этой отчаявшейся черни, готовой уверовать во что угодно.

По всем признакам положение было тяжелым. Угнетенный народ страдал от налогов, установленных Римом: во-первых, двойной прямой налог, на землю и подушный, а помимо него еще и налог на жилище, дорожная пошлина, акциз и десятина. Пятую часть урожая фруктов и изготовленного вина, десятую часть собранного зерна следовало отдавать цезарю. Неплатежеспособные иудеи брали в долг у местных сборщиков податей, закладывая при этом принадлежащие им земельные участки, и те, кто был не в состоянии погасить свой долг, теряли все. У них не оставалось другого выбора, кроме как попрошайничать у городских ворот или присоединяться к грабителям с большой дороги.

Нищета способствовала росту рядов zelотов, эти патриоты-фанатики вели непрерывную борьбу с оккупантами и не останавливались перед убийством иудеев, сотрудничавших с Римом. Они утверждали, что сами священники продажные, а значит, не имеют никакого права отстаивать Закон Моисеев.

Вероятность волнений была крайне высокой в 37 году, когда Иешуа из Назарета уже не было в живых. Рано или поздно неминуемо произойдет столкновение с империей, что было бы фатальным для Каифы и его нового протезе Савла Тарсийского, занимавшего должность начальника охраны Храма.

Дверь приюта распахнулась, и солдаты синедриона накинулись, как ураган, на спящих назарян. Стоя на пороге, Савл, низкорослый лысый бородач лет сорока, наблюдал

за действиями своих подчиненных, отбрасывавших тени при свете горящих факелов. Пребывая в состоянии крайнего возбуждения, он подстегивал их фанатизм.

— Бейте этих еретиков, солдаты! Будьте той рукой мщенья Храма, которая сотрет с лица земли эту секту презренных!

Подчиняясь его приказам, люди в черных одеждах рубили на куски мужчин, женщин и детей. В этом кровавом месиве матери, ослепленные кровью и паникой, вопили, пытаясь спасти своих детей. Безоружные люди боролись за свои жизни, но кости и плоть едва ли могут противостоять стальным клинкам.

— Пускай негодование Всевышнего захлестнет вас! — взревел Савл, присоединяясь к этому побоищу. — Да достигнет вас его яростный гнев! Да будут ваши имена навечно вычеркнуты из списков живых!

От пропитанных смолой факелов загорелись деревянные настилы ночлежки. Ее обитатели пытались спастись от поглощающих их языков пламени. Невыносимо воняло паленой плотью. Вопли отчаяния вместе с дымом достигли верхних помещений.

С окровавленным мечом в руке Савл шел вперед под сводами подвала, переступая через трупы и освещая себе дорогу факелом. Внезапно какой-то старик стал у него на пути и спросил:

— Кто послал тебя сюда, дьявол?

— Первосвященник Каифа.

— Лишь один Иешуа является первосвященником.

— Такое святотатство будет стоить тебе жизни, старик. Но я готов сохранить тебе ее, если ты ответишь на мой вопрос: кто является предводителем вашей секты, «любимым учеником» Иешуа?

— Учитель любил всех своих учеников, не делая между ними различия.

— Вранье! Одного из вас он выбрал своим преемником. Вы скрываете его, как скрывали тело своего лжепророка. Где он?

— Он сидит одесную Отца Всемогущего. А все мы, кого ты собираешься лишить жизни, будут рядом с ним в сей же вечер.

Начальник охраны Храма криво улыбнулся и пробормотал:

— Ну что ж, в таком случае... передай ему от меня привет.

Резким движением Савл ткнул факелом ему в рот. От горячей смолы у старика загорелась борода и опалились ноздри. Несчастный попытался оттолкнуть нападавшего, но тот перерезал мечом ему горло от уха до уха.

Старик упал, дергаясь в конвульсиях.

Так закончилась его жизнь.

КУМРАН,
ИУДЕЙСКАЯ ПУСТЫНЯ

Солнце, словно ленивый, озлобленный бродяга, спускалось к горизонту. Оно походило на какого-то языческого божка, который достаивал своим светом караванщиков и в то же время мог в любой момент обжечь их жаром своих ласк или холодом ночи. Как и у плотоядных растений, красота пустыни была ее самым грозным оружием. Просившие у нее приюта рисковали получить отказ в гостеприимстве. Поскольку властелин здешних мест был варваром, вводящим пришельцев в заблуждение, он посылал свои проклятия, невзирая на лица. Это могли быть и потеря ориентации в результате песчаных бурь, предсказать которые не представлялось возможным, и нежелательный ночной визит местных обитателей — змей и скорпионов.

Семь лет ушло у Давида на то, чтобы приручить эту серо-коричневую пустыню Иудеи. Ему уже были знакомы все ее гряды и рыжеватые утесы. Даже с закрытыми глазами, лишь уловив направление ветра, он мог сориентироваться, двигаясь между ее меловыми холмами. Давид предчувствовал ее гнев и знал, когда следует укрыться в изрытых пещерами ущельях.

Давид был низкорослым для своего возраста. Черные как вороново крыло, взлохмаченные волосы, скулы, выступающие под загорелой кожей, — он был похож на маленького дикаря, который, словно растение в пустыне, брал у жизни все, что только было возможно. Шелушащаяся кожа на носу говорила о том, что это всего лишь ребенок, но хмурый пронизывающий взгляд свидетельствовал о том, что детства у него и не было.

Мать Давида, Мария, вынудила его променять ласковость Назарета, где родился мальчик, на одиночество в юности,

удручавшее его с каждым днем все больше. Ожидалось, что удаленность их фермы от селений оградит ребенка от врагов их рода, но рано или поздно ему придется покинуть родные стены. И четырнадцатилетний Давид решил: пусть лучше это случится рано. Не желая жить затворником, он лелеял надежду поднять знамя борьбы там, где его вырвал отец.

Крестный Давида, зелот Шимон, изо всех сил старался разубедить мальчика, но его прошлое участника сопротивления было плохим примером. К тому же он и сам хотел обучить Давида искусству ведения боя, чтобы подготовить его к тому моменту, когда он больше не сможет урезонивать парня. И всякий раз, когда они шли охотиться или набрать воды в колодце кумранских купцов, старый повстанец останавливался, чтобы потренировать своего подопечного.

— Ты убит, — раздалось бормотание за спиной Давида. — Ты не услышал, как я к тебе подошел, а значит, ты убит.

Юноша, весь сжавшись, повернул голову. Шимон, словно призрак, стоял у него за спиной на расстоянии вытянутой руки. Давид резко развернулся, держа *сику* в правой руке. Орудовать этим коротким мечом, которым пользовались зелоты в боях с римлянами, было очень удобно. Но Шимон легко отбил удар своего крестника и нанес ответный удар Давиду в плечо, повалив парня на землю. Потом, пряча меч в ножны, наставник улыбнулся при виде того, как его подопечный перевернулся и стал с трудом подниматься.

Давид обожал драться, и подтверждением тому были многочисленные синяки и шрамы на его теле. Марию они приводили в бешенство, а он, будучи патриотом, считал, что так и должно быть. К тому же это был единственный выход ярости и отчаяния, которые бурлили в нем со дня казни отца. Именно это и позволило ему пережить детство, то время, когда были утеряны связи, отняты мечты. Настойчивость в стремлении овладеть боевыми искусствами Давид ценил в себе больше всего. Он был отнюдь не богатырского телосложения, природа обделила его в этом, но борьба с более

сильным противником заставляла его преодолевать все страхи, не обращать внимания на свои недостатки, не искать самооправдания и не давать себе поблажек.

Нанося без передышки безжалостные удары кулаками и ногами, Шимон продолжал наступать на своего подопечного, заставляя его отступать.

Крестник контратаковал, рассекая воздух мечом, но зелот ловко уворачивался от каждого удара, как хищный зверь. Давид пытался нащупать слабое место своего противника, пока очередным его приемом не был обезоружен.

Его *сика* упала на землю.

— Используй то оружие, каким наградил тебя Господь, — посоветовал ему Шимон.

Мальчик наклонился, чтобы взять горстку песка и потереть его между ладонями. Учитель и ученик смерили друг друга взглядами и осмотрелись, оценивая свое положение. Неожиданно Давид кинулся на крестного. Они стали наносить друг другу удары ногами и кулаками столь быстро, что трудно было разобрать, кто берет верх. Юноша чуть было не упал, но, отскочив, сохранил равновесие. Бросаясь головой вперед, под руку своему наставнику, он нанес ему удар в живот со всей силы.

От этого удара зелот сложился вдвое и упал на колени. Этим тут же воспользовался Давид. Чтобы полностью нейтрализовать противника, он накинулся на него сзади и стал душить. Не ожидавший такого напора Шимон напрасно пытался высвободиться.

— Забери меня с собой в Иерусалим, — попросил мальчик, не отпуская его.

— Ты будешь потом жалеть об этом, Давид, — сквозь зубы процедил Шимон, с трудом дыша.

— Мать отпустит меня, если ты ее об этом попросишь. Я хочу увидеть Святой город во время Пасхи!

Воспользовавшись тем, что его крестник отвлекся, Шимон перебрал его через себя и уложил на землю, затем, немного отдышавшись, сказал:

— Ты его уже видел, Давид.

— Тогда я был слишком маленьким.

— Я тебе уже сотни раз рассказывал о Пасхе, с тех пор ничего не изменилось, ты же знаешь.

— Я хочу все увидеть сам, — настаивал юноша. — Я готов познакомиться с миром.

— Может быть. Но мир еще не готов познакомиться с тобой.

— Мне уже четырнадцать лет, дядя! — возразил, поднимаясь, Давид. — Я почти мужчина! Ты научил меня драться, и теперь я никого не боюсь. Я хочу примкнуть к зелотам.

Он давно уже вынашивал эту мысль. И Шимон, испытывающий к нему отцовские чувства, считал, что и он частично в ответе за это.

— Тебе не захочется жить такой жизнью, поверь мне. Зелоты ни с чем не связаны, у них нет ни семьи, ни друзей...

— А у меня много друзей? — не дал ему договорить Давид. — А что касается семьи...

За этой фразой последовала горькая улыбка.

— Мать редко бывает на ферме, а отец...

Он пожал плечами, комок, образовавшийся в горле, не дал ему договорить. Шимон понял это и отвел взгляд, расстроженный воспоминанием о своем брате.

— Я готов к этому, дядя, — не унимался Давид со слезами ненависти в глазах. — И ты это знаешь.

— Я знаю, прежде всего, мой мальчик, что истинный патриот стремится не отомстить, а освободить свою страну. И если при этом он может умереть, значит, так тому и быть.

— Мой отец не боялся смерти, и я тоже не боюсь.

В это мгновение Шимон заметил всадника, показавшегося на одной из позолоченных вершин Моава¹. С такого расстояния было трудно его рассмотреть, но было ясно, что это римлянин, и этого было достаточно, чтобы возбудить подозрение.

¹ Область, расположенная к востоку от Мертвого моря.

— Легионер, — сообщил зелот. — Возможно, разведчик. Иди спрячься.

Давид заполз за верблюдов, груженных бурдюками с водой, которую они набрали в колодце. Животные вскрикивали, когда он проползал у них между ног. Мальчик взял короткий лук, висевший на одном из седел, и приладил стрелу. Тем временем Шимон поднял меч, который выронил его ученик, и спрятал за спину.

Незнакомец медленно приближался, освещенный лучами заходящего солнца. Его лошадь брела, опустив голову, и казалось, она вот-вот рухнет от изнеможения.

Давид прицелился в римлянина. Он прищурился, пытаясь целиться прямо в лицо. Как только силуэт всадника станет четким, стрела сможет долететь до него.

— Добрый вечер, друг мой, — поздоровался Шимон, глядя в глаза в незнакомца.

Не спешиваясь, всадник ответил ему кивком. Зелот внимательно разглядывал его. Перед ним был мужчина лет сорока пяти, ростом под два метра. Своим телосложением он напоминал гладиатора, многочисленные шрамы на теле говорили о том, насколько храбрыми были противники, которых он победил. Нос ему, вероятно, перебили в драке, а загорелое лицо, казалось, было выточено скульптором. Бритая голова только подтверждала эти догадки, однако больше всего бросались в глаза его скулы лилового цвета.

Заметив capitoлийскую волчицу, красовавшуюся на его потертом кожаном нагруднике, Шимон понял, что он имеет дело с офицером, к тому же на бицепсе всадника был вытатуирован знак легионов SPQR¹.

— Ты что-нибудь ищешь, центурион? — Шимон с трудом выговорил эту фразу на латыни.

— Это твой сын прячется за верблюдами? — вопросом на вопрос ответил суровым тоном незнакомец.

¹ Аббревиатура латинской фразы «*Senatus Populusque Romanus*» («Сенат и граждане Рима»).

Шимон посмотрел в ту сторону, куда направил свой взгляд всадник, и, не увидев крестника, удивился тому, что этот военный заметил его.

— Почему он держит лук наизготовку? — поинтересовался легионер.

— Он боится, что у него украдут воду.

— Скажи ему, что я не ворую воду, я просто... испытывающий жажду путник.

— У нас не принято делиться водой с римлянами! — крикнул Давид, выходя из своего укрытия с луком и целясь в легионера.

— Опусти лук, — рассердился Шимон. — Ты так кого-нибудь поранишь! И брось нам один бурдюк, ясно тебе?

Ошеломленный резким тоном своего наставника, Давид попятился и занялся поклажей, уложенной на одном из верблюдов. Центурион, не проронив ни слова, лишь издали наблюдал за ним.

— Прости моего сына, — обратился к нему зелот. — Он чаще имеет дело с козами и баранами, чем с людьми. Ты направляешься в Тибериаду¹?

— В Дамаск. Я ищу, где остановиться на ночлег. Я не покидал седло весь день, и... один бедуин, который повстречался мне на пути, сказал, что в тысячах шагах отсюда есть ферма. Ты знаешь, где она находится?

Толстый бурдюк из козьей шкуры упал к ногам Шимона. Зелот поднял его и протянул гостю:

— Могу я узнать твое имя, центурион?

— Лонгин. Римский трибун². Бывший центурион Третьего Галльского легиона.

— Что стоит в Эмесе?

— Да, в Сирии.

Когда офицер запрокинул голову, поднося бурдюк ко рту, Шимон заметил на внутренней стороне его запястья татуи-

¹ Город в Галилее.

² Военный трибун — командная должность в составе римского легиона.

ровку ΙΧΘΥΣ ¹. Эта надпись, которую назаряне использовали как тайный знак, взволновала зелота и заставила его относиться к римлянину с максимальным почтением. Шимон воспользовался теми несколькими мгновениями, пока странник утолял жажду, чтобы рассмотреть его снаряжение. На римлянине не было формы, но детали его экипировки, такие как составной парфянский лук, говорили о том, что это бывший военный. Щит из бронзы и меди, пристегнутый за седлом, совсем проржавел, а вмятины на нем свидетельствовали о жестоких сражениях, в которых легионеру довелось принимать участие. Но все эти отметины были старыми. Что же касается меча, то, хоть он когда-то и выпустил немало кишок, на этот раз ему хватило благоразумия не покидать ножен. Ни на его рукоятке, ни на ножнах не было следов запекшейся крови.

— Меня зовут Шимон, — сказал зелот. — А имя этого дикаря Давид. Он добрый малый. Собаки, которые лают, не самые опасные. Я отведу тебя на ферму. Твою лошадь тоже следует покормить.

Шимон развернулся и отправился к верблюдам. Как только он подошел к Давиду, юноша запротестовал, говоря вполголоса:

— Что с тобой? Это же римлянин, ты ведь не собираешься...

— Он тебя видел, Давид. У меня есть два варианта: убить его либо оказать гостеприимство.

— И какой же ты выберешь?

— Тот же самый, какой выбрал бы твой отец.

¹ Ихтис (*др.-греч.* рыба) — древний акроним (монограмма) имени Иисуса Христа, состоящий из начальных букв слов Иисус Христос Сын Божий Спаситель.

Перед всадниками показалось пастушье жилище из глиняных кирпичей, обмазанных известью. Оно настолько сливалось с общим пейзажем, что издали его трудно было заметить. Странник, ехавший по одному из проходящих здесь торговых путей, вполне мог бы принять его за мираж. Окруженная ущельями глубиной до ста метров, защищающими ее от сильных ветров, ферма была неприметным строением, к которому не так-то просто было добраться. Терраса, над которой было натянута полотно из козьей шерсти, соединяла главное строение с овчарней, где стояли с десятков баранов.

Давид спрыгнул с верблюда и потянул за поводья верблюда своего наставника. Он быстро заставил животное стать на колени, а потом и улечься на живот. Шимон перекинул ногу через седло и ступил на землю, после чего подошел к гостю, также успевшему спешиться, и заявил:

- Я отведу тебя в овчарню, там тебя никто не побеспокоит.
- Это очень любезно с твоей стороны.
- Давид позаботится о твоей лошади.
- Нет! — выкрикнул юноша, не сводя глаз с римлянина.
- Да, — возразил Шимон.
- Не стоит, — прервал его Лонгин, поглаживая по гриве своего чистокровного скакуна. — У моей лошадки и у меня есть свои привычки.

Он повернулся к Давиду и пристально посмотрел на него. Мальчик выдержал его взгляд, ненависть переполняла его. Заметив это, Шимон поспешил вмешаться:

- Сними поклажу с верблюдов, Давид, и отнеси-ка один бурдюк с водой матери.

Его подопечный ничего не ответил, он был слишком занят рассматриванием «гостя».

— Давид! — прикрикнул Шимон.

Юноша с презрением сплюнул на землю и, развернувшись, пошел заниматься привезенным грузом.

Зелот тем временем повел приезжего в овчарню.

— Если ты не сильно проголодался, подожди захода солнца. В это время хозяйка разводит огонь в печи, и имей в виду, она очень строга к опоздавшим.

— Мне бы не хотелось злоупотреблять твоим гостеприимством, — ответил центурион, не отрывая взора от окон главного строения. В одном из них был виден женский силуэт. — Но... я рад им воспользоваться, — согласился он.

Когда Шимон отворил дверь, Мария уже готовила ужин в большой комнате.

— Что-то вы запаздываете, — проговорила она, не оборачиваясь. — Вы решили попоститься?

— «Ешь, когда голоден, пей, когда испытываешь жажду», — отозвался Шимон, улыбаясь. — Так сказано в трактате Берахот¹.

— Но у Марии свои правила. Сандалии следует снимать при входе.

— Слушаюсь, — проямлил зелот, словно послушный ученик.

Он смотрел на свою невестку с нежностью брата. Всевышний был милостив по отношению к ней. Она настолько красива, что ей не стыдно появляться на людях. Складки ее туники из мягкой ткани выгодно подчеркивали ее фигуру, а золотистый свет от светильников — ее утонченный профиль. Черные непослушные волосы выбивались из-под платка, который едва сдерживал их в стремлении высвободиться.

Вскоре вошел и Давид с бурдюком воды в руках. По всему было видно, что он раздосадован и пытается это скрыть.

— А разве римлянин будет ужинать с нами? — спросил он.

¹ Трактат Талмуда.

— Что-что? — не поняла Мария.

— Это бывший центурион, — объяснил Симон. — Он направляется в Дамаск, и я предложил ему...

— Ты совсем сошел с ума?

— Правильно, мама, — буркнул парень.

Зелот присел за стол и стал ковыряться в блюде с кузничками в соленой корочке, на котором лежал и ячменный хлеб.

— Он что, видел Давида? — взволнованно спросила женщина.

— Да, видел, сестричка. Но он — человек, принявший истинную веру.

— Язычники не могут принять истинную веру.

— Я же говорю тебе, он такой же, как ты, а на внутренней стороне его запястья я видел татуировку ΙΧΘΥΣ...

Не успел он договорить, как кто-то тихонечко постучал. Симон поднялся, чтобы встретить входящего, и произнес:

— Мария, это — Лонгин, наш гость. Я пригласил его разделить с нами наш скромный ужин.

Центурион подошел ближе, и стало видно его лицо. Как только Мария встретилась с ним взглядом, она побледнела и выронила из рук оловянную чашу, которую собиралась поставить на стол. Медовые лепешки, лежавшие в ней, разлетелись по полу.

— Что с тобой, Мария? — забеспокоился Симон.

Чтобы устоять на ногах, она схватилась за край стола. Смущенный Лонгин прочел такую же враждебность во взгляде женщины, как и во взгляде ее сына.

— Позвольте мне... объяснить вам... — запинаясь, промямлил он. — Я пришел сюда, чтобы попросить у вас...

— Я не хочу видеть в своем доме этого человека, — проговорила Мария ледяным тоном, который ее сын и деверь слышали впервые в жизни.

— Но, в конце концов... — протестовал Симон.

— Я уже все сказала, — отрезала она.

Лонгин повернулся и вышел, понуриив голову.

— Что с тобой, сестричка?

Не обращая внимания на замечание зелота, Мария присела напротив сына и пробормотала:

— Тот, кто ест, не благословив пищу, совершает святотатство. Давид, а где твое благословение?

Снова пораженный реакцией матери, юноша зажмурился и пробормотал:

— Благословен будь, Всемогущий наш Господь, посылающий хлеб на землю...

Удаляясь от дома, Лонгин еще раз взглянул на светящиеся окна. Вся семья сидела за столом, но, похоже, беседа не оживляла ужин. Центурион чувствовал себя виновным в этом и не мог стереть из памяти тот взгляд Марии. Нет, он не рассчитывал на радушный прием, но ему предстояло, несмотря на все унижения, которые только можно выдержать, найти способ поговорить с ней.

Вернувшись в овчарню, он почувствовал странное, непонятно чем вызванное волнение. Все погрузилось в полутьму, и лучи лунного света едва ли могли что-то осветить. Он почти ничего не видел, но чувствовал, что там кто-то есть.

Внезапно его лошадь заржала и встала на дыбы. Она не просто звала его, скорее это был крик ужаса.

И тут Лонгин заметил пятнистую шкуру какого-то хищника, проскользнувшего между животными. Овцы в ужасе заблеяли как резаные. Бывший трибун бросился к своим вещам, чтобы достать лук. Зверь уже вцепился в шею одной из овец, но из-за возникшей толчеи не смог удержать добычу. Почувствовав присутствие человека, хищник решил броситься наутек.

Увидев несущегося по темной долине зверя, Лонгин помчался вдогонку. Подбежав к изгороди, он вскинул лук и прицелился.

Встревоженные шумом, Шимон и Давид выбежали из дома. Они увидели убежавшего леопарда и целящегося в него из лука центуриона.

— Чего он ждет?! — недоумевал Давид.

Будучи опытным охотником, старый солдат знал, что через некоторое время зверь остановится, чтобы оглянуться. Почувствовав себя в безопасности, леопард остановился, чтобы отдышаться, и обернулся.

И центурион тут же выпустил стрелу. Последовавшее за этим короткое рычание свидетельствовало о том, что стрела достигла цели. Воин медленно поднялся и повернулся к хозяевам. Его выстрел произвел сильное впечатление на Давида.

— Прекрасное попадание! — прокомментировал Шимон.

— Просто не было ветра, — смутился гость.

В это время дверь хижины открылась и на крыльцо вышла Мария, вытирая руки тряпкой.

— Что тут у вас?

— Опять один из этих проклятых леопардов, — сообщил Шимон. — Но все в порядке, Лонгин подстрелил его.

Мария смерила римлянина взглядом с головы до пят и съязвила:

— Ну да, убивать он горазд!

После этого она снова зашла в дом. Шимон повернулся к трибуну, который, постояв некоторое время молча, сообщил:

— Он ранил одну из ваших овец.

ХРАМОВАЯ ТЮРЬМА,
ИЕРУСАЛИМ,
ИУДЕЯ

Г олый и весь в крови, Никанор выпрямился, подтянувшись на цепях. Охваченный паникой, он весь обратился в слух, боясь при этом даже вздохнуть. За решеткой его камеры слышался топот чьих-то сапог.

Узник пытался уговорить себя, что, вероятно, это идут не за ним. Ведь не его же единственного заточили в подземелье Храма! Здесь были и другие камеры с заключенными. Иногда до него доносились их стоны, несмотря на толщину стен.

Господи, сделай так, чтобы шли не по мою душу! — взмолился он.

Никанору было не более двадцати пяти лет. Это был образованный эллинист, товарищ Стефана. Его крестил апостол Петр и рукоположил его в диакона. Но если Дух Божий охотно подсказал ему слова для обращения его собратьев, то выдержать удары хлыста он ему не помог.

Убереги меня от этой чаши, Господи!

Шум шагов становился все ближе и внезапно затих. Никанор подумал было, что его мольба услышана Всевышним, но посетители уже стояли перед дверью его камеры. Клацанье замка заставило его вздрогнуть. Несчастный вжался в покрытую влагой стену, вспугнув крыс, которых здесь было более чем достаточно. В темницу вошли двое. Слепленный на мгновение ярким светом факела, Никанор поднял руки в оковах, закрывая глаза, привыкшие к постоянной темноте, и задрожал, признав в одном из них своего истязателя.

Савл поставил перед ним табурет и положил на него кожаную сумку. Торжественно раскрывая ее, он вкрадчиво заинтересовался:

— А известно ли тебе, друг мой, что боль, которую испытывает человек, когда ему вырывают зуб, сравнима с болью, переносимой при родах?

Никанор почувствовал, как при виде хирургических инструментов, которые выложил палач, его захлестывает панический страх. Охранник Храма поднял глаза на свою жертву и, улыбаясь, продолжил:

— Беременная женщина вынуждена рожать. У нее нет другого выхода. А вот мужчина может избежать ненужных страданий. Кто ваш старший?

— Не знаю, — пробормотал узник. — Я клянусь!

Истязатель кивнул своему телохранителю, и тот стал за спиной Никанора. Рукояткой хлыста он заставил несчастного открыть рот, прижимая при этом его голову к своей груди, чтобы она не двигалась. Савл взял щипцы и, как ни в чем не бывало, спросил:

— Ну, с чего начнем? С резца, клыка или молярного? Я оставляю право выбора за тобой.

Никанор затряс головой и, задыхаясь, что-то промямлил. Охранник нагнулся к нему, прислушиваясь:

— Я тебя не понимаю, ты что, не можешь говорить внятнее?

Но в ответ на его вопрос послышалось лишь что-то нечленораздельное.

— Ну, как знаешь. Видимо, выбор придется делать мне самому.

Щипцы уже приблизились к челюсти, но в этот момент губы несчастного сжались в попытке не допустить их к зубам. Савл отвернул губу и выдернул у истязаемого верхний резец.

Невыносимая боль пронзила Никанора. Никогда ранее он не испытывал подобных мучений. Эхо его стонаний металось под влажными сводами камеры.

— У тебя остается еще тридцать один шанс сказать мне правду, — съехидничал Савл, бросив окровавленный зуб в оловянную чашу. — Но я бы на твоём месте все рассказал немедленно, поскольку страдания твои будут лишь усугубляться.

Літературно-художнє видання

МАНЗОР Рене
Апокриф. Давид із Назарета
(російською мовою)

Роман

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *В. М. Комісарова*
Художній редактор *А. О. Попова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 24.07.2019. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Adonis». Ум. друк. арк. 20,16. Наклад 5000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля». Св. № ДК65 від 26.05.2000
61001, м. Харків, вул. Б. Хмельницького, буд. 24. E-mail: corp@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика "Глобус"»
61052, м. Харків, вул. Різдяна, 11. Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

МАНЗОР Рене
Апокриф. Давид из Назарета

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *В. М. Комиссарова*
Художественный редактор *А. О. Попова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 24.07.2019. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Adonis». Усл. печ. л. 20,16. Тираж 5000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга». Св. № ДК65 от 26.05.2000
61001, г. Харьков, ул. Б. Хмельницкого, д. 24. E-mail: corp@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика "Глобус"»
61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11. Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Голгофа. 30 р. н.е.

Ніхто не лишився на місці страти після того, як розп'яті померли. Ніхто. Крім семирічного хлопчика. Він не відводив погляду від чоловіка, котрий висів на центральному хресті. Хлопчик не плакав. Він обурювався, що цей чоловік, який так багато дав іншим, нічого не дав йому. Хлопчика звали Давид із Назарета. Це його історія.

Він буде жити, приховуючи своє справжнє ім'я, щоб одного разу стати на шлях, що чекав його протягом років. Таємниці, зради, політичні інтриги й битви стануть його вірними супутниками. У самому серці Іудейської пустелі, у Палестині, що стікає кров'ю — хай будуть благословенні всі діяння його, Давида з Назарета...

Манзор Р.

М23 Апокриф. Давид из Назарета : роман / Рене Манзор ; пер. с фр. В. Степанова. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 384 с.

ISBN 978-617-12-6079-5

ISBN 978-2-7021-6425-9 (фр.)

Голгофа. 30 г. н.э.

Никто не остался на месте казни после того, как распяты умерли. Никто. Кроме семилетнего мальчика. Он не отводил взгляда от человека, который висел на центральном кресте. Мальчик не плакал. Он негодовал, что этот мужчина, давший так много другим, ничего не дал ему. Мальчика звали Давид из Назарета. Это его история.

Он будет жить, скрывая свое настоящее имя, чтобы однажды встать на путь, ждавший его долгие годы. Секреты, предательства, политические интриги и битвы станут его верными спутниками. В самом сердце Иудейской пустыни, в истекающей кровью Палестине — да благословенны будут все деяния его, Давида из Назарета...

УДК 821.133.1